

А.С. Таюшев

Независимый исследователь (Вологда)

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

АНДРЕЙ ТАЮШЕВ: О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

В беседе Андрея Таюшева с редактором «Вестника ВоГУ» Л. Егоровой речь идет о жизненной и творческой биографии поэта и драматурга, уже 18 лет живущего в Вологде.

Андрей Таюшев, Вологда, поэзия, автобиография.

Л. Е. Расскажите о себе – с самого начала. Ваши стихи гармоничны и светлы. Истоки света, видимому, – в детстве?

А. Т. Рассказывать о себе – штука неблагодарная, но раз надо, так надо. Родился в Саратове в 1968. Жил в разных городах. Родители мои окончили Саратовское театральное училище, потом ГИТИС. Папа работал режиссером. В Хабаровске, Ростове-на-Дону (недолгое время), Ярославле. Были еще гастроли, благодаря чему я побывал в Иркутске, Владивостоке, Астрахани, Куйбышеве, Ульяновске...

Каждое почти лето проводил в Саратове, у бабушек-дедушек, которые были все еще живы, относительно здоровы. Так как они тогда еще и работали, я был по большей части предоставлен сам себе, что меня очень устраивало: таскался на рыбалку, читал книжки, гонял мяч...

Л. Е. А какие книжки?

А. Т. Зачитанная до дыр ксерокопия с «Мастером и Маргаритой» из журнала «Москва». Страшные и таинственные Гоголь с А.К. Толстым. Черт, похищающий месяц, мертвая панночка в гробу, ужасные старики, упыри и вурдалаки. Много слушал Высоцкого и знал наизусть дикое количество его песен...

Воспоминания о персональном рае, которые довольно обширны, выглядят в том числе и так:

*Что никак не уляжешься? Снова никак не спится?
Это вспомнится лето, турбаза с именем птицы
Иволги – где разливалась река, кузнечик в лесу пиликал.
Время детского счастья. Долгих школьных каникул.*

*Дед мой, матёрый плотник, что-то всё строил, строил:
домики с парой комнат (в каждую комнату – трое
человек заселялось). Был он в работе – дока.
С «золотыми руками». «Вечный ударник» – о как!*

*Мы рыбачили с дедом. Плавали в лодке с ним мы
по протокам, ловили плотву, густеру и прочих
ранним утром и вечером. Над головами нимбы
вспыхивали от солнца, солнце слепило в очи.*

*Память моя ты, память, – выглянешь, словно в щёлку,
вспомнишь краски заката, виденного когда-то.
Как называлась река-то? – Гусёлкой звалась, Гусёлкой.
А никакой не Летой называлась река та.*

Словом, это было счастливое, как я сейчас понимаю, детство: не в том смысле, что с тобой носились как с писаной торбой и никаких проблем не возникало, а ... захочешь его сейчас вспомнить – и всё какие-то радостные ощущения накатывают волной, и картинки перед глазами – по большей части – светлые.

Л. Е. Расскажите о своих интересах. Когда начали писать?

А. Т. Круг интересов в юности был обычный: литература, алкоголь, рок, красивые девушки, которых я не избегал и которые меня не избегали. Первые поэты, которые меня по-настоящему потрясли, – Маяковский (лет в 16) и затем – Мандельштам (сначала самиздат, потом – синяя такая книжечка с предисловием Дымшица).

*«Красный» Маяковский,
«синий» Мандельштам
нас вставляли больше,
круче, чем сто грамм.*

*Юность моя, юность
разлетелась в прах
по земле и небу
облаком в штанах,*

*журавлиным клином,
пущенным в расход.
Но пока мне глиной
не забили рот,*

*пару слов скажу я,
песенку спою –
не бог весть какую
но зато – свою.*

Тогда же и сам начал что-то сочинять – стишки, песни. К счастью, ничего из сочиненного не сохранилось, поэтому увидеть, из какого конкретного сора выросло то, что выросло, нельзя.

*В старых стихах – голос совсем не мой –
их написал кто-то совсем другой.
чувство такое, что посреди стиха
ты даёшь петуха и стихи, словно тлен, труха,
умирают мучительно, в судорогах, а потом
на глазах рассыпаются, гаснут, что твой фантом.*

Л. Е. А мне всегда жаль несохранившегося раннего.

А. Т. Отношение к жизни было довольно легкомысленное: в силу своего разгильдяйства я даже умудрился остаться без аттестата о среднем образовании после 10 класса (меня не допустили до выпускных экзаменов за прогулы и двойки). Ну и что? Собрал вещички и уехал в Саратов жить с бабушкой. Получил аттестат спустя год, окончив вечернюю школу: аккуратно перед армией.

Л. Е. И армия была?

А. Т. Про армию тогда рассказывали всякие ужасы, так что ждал ее без особого энтузиазма, но и «косить» было как-то лень, да и стыдно немного. Оказалось, что не так страшен черт, как нам его малевали (хотя не всем моим друзьям повезло так же, как и мне).

Л. Е. Это ведь время Афганской войны. Где служили? Как служили?

А. Т. Служил я под Москвой, в Голицыно, формально в погранвойсках, хотя занимались мы там всяким строительством.

*какая прекрасная осень
какой изумительный вид
как будто легчайшая проседь
сплошной паутиной висит*

*над лесом, полями, садами,
скопленьем голицынских дач.
весь мир у тебя под ногами.
стоишь ты, чумазый, как грач,*

*на самой высокой тут крыше,
втащивший раствора мешок.
и волосы ветер колышет.
и, в общем, тебе хорошо.*

От скуки, тоски, казенщины помогало чтение. Родители постоянно привозили-присылали мне книги и всякие журналы, где тогда много чего интересного печатали. Часто приходилось читать за счет сна. Отрывать от страниц с буквами было порой невозможно. Случалось вообще не спать. Но по молодости это переносится легко.

Л. Е. Москва рядом...

А. Т. Москва была рядом, но ездить туда запрещалось. Другой гарнизон. Разумеется, мотались мы в увольнении именно туда, рискуя нарваться на какой-нибудь патруль и оказаться на гауптвахте. Я доезжал до квартиры друзей, живших в районе Арбата, переодевался в гражданскую одежду и шел шататься по городу. Даже влюбиться по уши успел. Когда моя любимая на тот момент девушка вышла замуж, это было самое главное мое армейское переживание. Все остальное воспринималось как мелкие временные трудности, ведь часики тикали – время было еще на нашей стороне.

*В июне ушли, а под осень –
вч 2568
«рукою подать до москвы –
минут пятьдесят в электричке»,
но вынесло нас за кавычки
привычной нам жизни, увы.*

*и бритые ходим мы строем,
и госпиталь строим и строим,
и лета заветного ждем –
под снегом над миром летящим,
под солнцем жестоко палящим,
под мелким холодным дождем.
а всё ж как порою ни ныли,
а счастливы все-таки были:
сквозь все эти снеги-дожди,
связуя концы и начала,
как радуга, ярко сверкала
Огромная Жизнь впереди.*

Л. Е. Когда и куда вернулись из армии?

А. Т. Вернулись мы в 1989-м, когда перестройка была в разгаре, уже перерастая кое-где в перестрелку.

*В передаче «утренняя почта»
то попса, то Цой или АВИА...
тут, дружок, тебе и кровь, и почва,
что захочешь – местного разлива.*

*«Юность» публикует мемуары
Мандельштам и прочую нетленку.
так и ждешь: нагрянут комиссары,
чтоб ломать нас снова об коленку.*

*весело, почти не страшно было –
страх куда-то делся ненароком,
и пронзало, било-колотило
всё происходящее, как током.*

*всё еще хвала КЭПЭЭСэСу,
но уже заколебались троны,
и летят кэпээсэсы к бесу
от волны «Гражданской Обороны».*

*Вот и дембель. всё, что хочешь, делай.
ни пред кем не держишь ты ответа.
весь влюбленный, пьяный, очумелый.
впереди – еще две трети лета.*

Л. Е. Эйфория?

А. Т. Эйфория была страшная. Я поступил на филфак СГУ, но учиться не стал – как-то вот совсем не до учебы тогда было. Рок-фестивали, огромный поток всякой информации, литературы – новой и старой, ранее недоступной или вполне доступной, но пропльнувшей мимо тебя: Бродский, обэриуты (у меня начиналось все со «Столбцов» Заболоцкого), Венедикт Ерофеев, Платонов, Гессе, Набоков, Саша Соколов (ну он чуть позже, правда), Кирилов, Пригов и прочее... Постоянно что-то читали, фильмы смотрели разнообразные (был у нас в Саратове кино клуб, где показывали интересные ретроспективы: неделю смотришь Феллини, неделю – Годара, потом Бергмана и т.д.).

Помню, в начале 1990-х нам показывали немецкий импрессионистический фильм «Фауст» (не помню режиссера¹): черно-белый, немой, снятый в смутные времена Веймарской республики, до прихода

¹ «Фауст» («Faust: Eine deutsche Volkssage»), 1926. Режиссер: Фридрих Вильгельм Мурнау.

Гитлера к власти. Показывали под авангардную музыку «ТРИ О», которая исполнялась музыкантами тут же, прямо в зале, придавая всему действию совершенно фантастическую, сюрную атмосферу. Жутко. Выходишь потом из зала на темную улицу, а там – словно продолжение увиденного...

Сильнее «Фауста»

В кинотеатре «Победа», похожем на праздничный торт или на праздничный гроб, как когда-то ещё мне казалось, смотришь немецкую фильму, в которой является чёрт в гости к алхимику с редкой фамилией Фауст.

Фауст сам вызвал его, угодив на крючок сгоряча, чёрт ухватился за леску и тянет-потянет. Хода обратного нет, и уже невозможна ничья в битве, развернутой там – на широком экране.

Пуделем черным, роскошным брюнетом крутятся, чёрт к сердцу доктора ключ подбирает игриво. И модернисткой мистерики хитрая вязь сопровождается адской музыкой «ТРИ О».

Вечером зимним сгущается облаком страх – бродят по городу стайки шпаны подзаборной. Знаешь, «Макаров», конечно, в умелых руках – штука сильнее, чем гетевский «Фауст», бесспорно.

В Саратове было множество хороших и разных компаний, так или иначе связанных между собой. «Штаб» нашей тогдашней компании находился в полуподвальнике одного частного дома – «родового гнезда» моего близкого друга Димы Федотова. Огороженный забором кусочек обетованной земли с яблоневым садом, два соединенных деревянных домика начала века – с удобствами на улице. Постоянная тусовка. Его родители, бабушка с дедушкой мужественно переносили эту полуподвальную полукоммуну с вечным круговоротом гостей. И вообще относились к нам, обормотам, хорошо. Помещение было крохотное. Как туда помещалось столько людей практически ежедневно – не понимаю.

Л. Е. Вы жили оседло? Странствовали?

А. Т. Продолжались всякие мотания по стране. Иногда подолгу зависал в Питере и Москве (там, кстати, и застал август 91-го).

АВГУСТ 91

*С утра по телевизору балет.
и генерал с какой-то мутной рожей
чего-то там вещал, чего-то там итожил –
четыре сбоку, в общем, ваших нет.*

*Вот надо же – живёшь, не дуя в ус,
и шляешься по Питеру с подругой,
катаешься с ней в Царское Село,
а тут тебе Советский наш Союз
с какого-то, простите, перепугу
вдруг понесло –
куда, зачем? ну, нафиг, вот те на!
не то грядёт гражданская война,
не то террор. да чёрт тут сломит ногу!
прогнозам нет числа, прогнозы – мрак.
в кафе мы смотрим телик под коньяк,
а жизнь страны катится к эпилогу*

Мы тогда с будущей моей первой женой-пианисткой жили на Каменном острове в каком-то театральном санатории, куда нас пристроила моя питерская знакомая, за очень смешные деньги, типа рубль в сутки за огромную комнату с высоченными потолками и видом на пруд с лебедями.

И вот рано утром стучится к нам в дверь сосед, тоже актер какой-то, который там вписывался: «Ребята, Горбачева сняли, в стране переворот!» Ёшкин кот! Мы давно уже все чего-то подобного ждали, но все равно неприятно. Пошли с женой, которая еще не стала женой, на Васильевский, на Кадетскую линию, в полуподвальное кафе, где мы по утрам коньяк пили. Барменша телевизор смотрит, ахает, коньяком угощает бесплатно.

На другой день оказались в Москве – там танки, бронетранспортеры, вся эта байда. Но когда я увидел огромную толпу перед Белым Домом, почему-то сразу понял, что всё закончится не начавшись. Не знаю почему. Сейчас я понимаю, что всё это с самого начала было разводкой. Но тогда мы были настроены решительно, считая себя чуть ли не борцами за свободу. Ха-ха.

Страна весело неслась в бездну – прямо Пир во время Чумы какой-то. Центром «тусовочного» Саратова было кафе «Аромат» на проспекте Кирова, где собирался всякий народ от маргиналов до «новых русских». Все вдруг вообразили себя крутыми бизнесменами, и все всем что-то продавали: от штанов до «вагонов сигарет» и – «составов нефти». По большей части это был «воздух», и никаких вагонов-составов в природе не существовало, но разговоры велись, да.

Одновременно шла параллельная (она же настоящая) жизнь, где были совсем иные разговоры, записывались песенки, сочинялись стишки. Про судьбу России, ее историю и ее будущее много чего говорилось – в апокалипсическом духе, разумеется, – как же иначе-то?

Л. Е. Работали?

А. Т. Помню, работал, например, ночным сторожем в детском саду, в котором паслось много людей – моих приятелей. Нам и поесть можно было, и выпить, и поговорить, и песенки поорать. Что-то вроде аглицкого клуба. Трезвыми мы были довольно редко.

В конце концов я оказался в Москве, причем как раз после октября 93-го. Последствия видел:

Белый Дом – 93

*Я возвращался пьяным из гостей –
заснул в метро, проехал остановку
и после – брёл по улицам ночным
сомнамбулой, на полуавтомате.*

*Из темноты вдруг выплыл Белый Дом
с его фасадом – в черных, рваных ранах,
и в воздухе декабрьском, морозном
еще витал тяжелый запах смерти.*

*С тех пор едва услышу «Белый Дом»,
передо мною вспыхивает образ:
ночь, лютый холод, свет прожекторов,
направленных на труп, как лампы в морге.*

В Москву меня сорвал мой приятель Кирилл Каган, теперь уже давно покойный. Забавный парень

был: врун, пижон, алкоголик. Но симпатичный, не жлоб. Позвонил мне из Москвы, кричит: «Приезжай, я хату снял, работаю в крутом журнале, тебя устрою в театр “Эрмитаж” администратором»... В Саратове делать мне особо было нечего: без работы остался, с женой какие-то разборки, настроение поганое. Я и поехал. Ни в какой «Эрмитаж» он меня, конечно, не устроил, да и про журнал врал. Пропили наши деньги недели за две, выпили весь алкогольный запас хозяина квартиры, и в конце концов пошел я на рынок торговать сапогами. Одноклассник помог – пристроил. И надо же такому случиться – в первый день моей работы ударил лютый мороз. Пришлось греться традиционным способом. Выпили мы с соседом, и кончилось тем, что проснулся я ночью в подъезде уже без всяких сапог. Ни товара, ни денег. Влетел. Деньги однокласснику выплатил, на рынок больше, разумеется, не ходил.

Иду через день грустный по Москве. Зашел в театр Васильева на Поварской к знакомому, который работал там, кажется, директором. Он предложил работать у них администратором. И чего я сразу к нему не зашел? Так я стал москвичом на какое-то время.

Саратовский брак мой вскоре разлетелся, а потом образовался московский, тоже, как выяснится позже, не особенно удачный.

Зарабатывал, где мог, как мог. Хорошо зарабатывал, но очень мало и редко поначалу. Да и потом не разбогател.

Один раз сильно повезло: попал на три дня в студенческую бригаду разгружать вино из вагонов на какой-то товарной станции. За три дня заработал больше, чем в театре за полгода, – в те времена такое случилось запросто. По ночам, счастливые, с полными карманами денег, в немых рваных куртках и телогрейках, прихватив по паре-тройке бутылок вина (очень неплохого, болгарского, кажется) разъезжались по домам на тачках. Гуляй, рванина!

Л. Е. Богатый опыт. Полезный?

А. Т. 80% времени, проведенного мной тогда в Москве, считаю выкинутым на свалку. Не потому, что «время было такое» или Москва плоха, а потому что сам я думал не о том и делал не то, что можно и нужно было делать. Слава Богу, хотя бы стишки не бросал. Может быть, благодаря этому и не превратился окончательно в жабу.

Носишься как угорелый с дурацкими книжками, пытаешься продать их кому-нибудь (я так зарабатывал), и вдруг говоришь себе: «Стоп, на сегодня хватит, уймись; гори оно все синим пламенем». Завалишься в «Табак» на Покровке – сидишь, куришь, кофе пьешь, а оттуда гулять – либо в район Хитровки, либо по бульварам.

Коммивояжер

*Весна приходит птичьим хором,
звонит капель, и тает лёд.
В ту пору коммивояжеру
на ум работа не идёт.*

*Он легкомысленно рассеян
и дивной полон чепухи,*

*сидит, забыв про всё, в кофейне
и пишет глупые стихи.*

*Обрывки ловит разговоров,
следит за солнечным лучом,
что пробивается сквозь шторы,
не сожалеет ни о чём.*

*Потом с улыбкой идиота
он направляется туды,
где ждут – Покровские Ворота,
бульвар и Чистые пруды.*

*Где на протоптанных дорожках
следы красавиц тут и там,
где он задержится немножко
и, в лица взглядываясь дам,*

*не то что хочет он налево,
но полон чарами мечты,
что перед ним возникнет дева
как гений чистой красоты!*

*И вот тогда-то он, тогда-то
поймёт, что прошлое прошло.
И станет тут ему крылато –
легко, улыбочиво, смешно.*

1996

Л. Е. Прелестно. Москва долго продолжалась?

А. Т. В 96-м, «наевшись Москвой», снова оказался в Саратове. Пристроился на радио, потом в местный «АИФ» – журналистом. Жил я там – жил, да и дожил до полного, так сказать, экзистенциального кризиса. Который пытался разрешить традиционным русским способом.

*Равно готовый к бунту и к повинной,
попутав звон «малиновый» с «малиной»,
апостола приняв за вертухая,
народ по всяким поводам бухает.
и это неспроста. считает он,
что эта жизнь – не более чем сон,
обман, байда, ботва, напрасный кипеж,
и правды нет – надежда лишь на Китеж.
но к Китежу ведут лишь те пути,
которых трезвым сроду не найти.*

Думал, навсегда останусь в Саратове, но не тут-то было: в 2002 меня волей обстоятельств занесло в Вологду – к «маме под крыло».

С литераторами местными я уже был знаком по прошлым приездам. Эта среда мне нравилась, как и сам город.

В 2001 покойный Юра Малозёмов выпустил мою книжку (со слабенькими стишками, на мой нынешний взгляд). А в 2002 мы с Пашей Тимофеевым сделали маленький смешной самиздатовский сборничек под названием «Раз в неделю». Да еще и в журнале «Стрекоза» были опубликованы мои стишки.

Л. Е. «Стрекозу» Ната Сучкова выпускала. То есть постепенно в Вологде Вы со всеми знакомились...

А. Т. Через родителей познакомился с прекрасными местными художниками: Копьёвыми, Лаврентьевыми... В соседнем доме (в общежитии на Воровского) жил друг Копьёвых Юра Чернов, к которому я любил захаживать на рюмку чая и вести всякие интересные беседы.

Через год я неожиданно захотел поступить в ВГПУ на истфак. Разумеется, учитывая возраст, на заочный. Василий Анатольевич Саблин при первой встрече, скептически оглядев меня, спросил, почему я решил учиться на историческом, если дважды учился на филфаке. Ответил совершенно искренне: «Историческое образование даст мне много больше». Кажется, мой ответ ему понравился: убедил в серьезности намерений.

В этот раз заставляя себя учиться не пришлось – наоборот, было очень интересно. В 35 лет человек очень много чего хорошего о себе думает. Уверен, что всё знает. Уже на первом курсе я понял, что мои знания и представления об истории относительны, на втором – что ничтожны. Учеба – прекрасное средство сбивать с человека всю его изначальную спесь, лекарство от всезнайства и радикализма.

*Клио ты, Клио. Твой равнодушен взгляд
на то, как текут реки времён назад,
когда новый историк иль очередной пиит
над водой ворожит –
прошлое потрошит.*

*«Ах ты, дурилка картонная, – скажет Клио тогда, –
сколько потратил времени и труда,
а не приблизился к прошлому ни на шаг.
в голове твоей ветер дат и времён бардак.*

*И, если честно, мнение твое всегда
с мнением Бога совершенно не совпадает...»*

Вообще, решение пойти «учиться, учиться и еще раз учиться» было одним из самых умных решений, принятых в период короткого и внезапного просветления между запоями. Благодаря ему, во многом, я и выбрался потом из этой ямы. Иногда мне неловко, что я так и не стал профессиональным историком, не работал по специальности. Но без меня наука история ничего не потеряла, а вот я без этих лет учебы потерял бы очень много.

Словом, приехал я в Вологду «на некоторое время» погостить, «перевести дух», да и застрял, о чем не пожалел ни разу. Хороший город, спокойный, тихий. Иногда слишком уж спокойный и тихий, но надо радоваться тому, что есть, и не предъявлять лишних претензий к мирозданию, а то оно может обидеться, да и прихлопнуть невзначай.

Л. Е. Приятно слышать добрые слова об университете, о Вологде. Писали и издавали?

А. Т. Я «выпустил» много самиздатовских книжек и как бы книжек; и очень жалею о том, что опубликовал (хотя и для узкого круга читателей) массу сырых, часто никуда не годных стихов. Пороть надо таких авторов-торопыг. Жаль, меня пороть было некому.

Написал в стихах две пьесы. Одну – под конкретный заказ (на лермонтовский сюжет) – постарался сделать смешной и сценичной, но с полным уважением к М.Ю. Не уверен, что она получилась смешной,

но спектакль шел несколько лет – говорят, с успехом. Мне за эту работу не стыдно, но читать ее не рекомендую (впрочем, никто и не прочтет).

Вторую вещь – «Жизнь и приключения Франсуа Вийона» – писал «по вдохновению», без всякой надежды на постановку.

Л. Е. По-моему, отличная и драматургия, и поэзия.

А. Т. Забавно: совершенно вылетело из головы, с чего это меня понесло в эту сторону, но захватила меня его история чрезвычайно. Помните, как Максудов у Булгакова описывал процесс сочинения пьесы? Вот примерно так же случилось и у меня. То и дело возникали в голове разные картинки, которые разрастались, оживали. Как всегда, у меня там много отсылок, скрытых цитат и пр. Но я не специально – так оно само выходит, помимо моей воли. В конце концов, мы все находимся внутри поэтического космоса: вращаемся вокруг планет, отталкиваемся от них, вступаем в диалоги, спорим с поэтами, жившими до нас, вместе с нами и теми, кто будет жить после. Жутко увлекательная штука.

Л. Е. Мне показалось, много и личных ощущений.

А. Т. Воспринимал ли я себя Вийоном? Нет, конечно. Скорее, я находил в его биографии всякие параллели с моей жизнью, прикидывал на себя разные ситуации, в которых он, может быть, бывал.

Л. Е. Немного о книгах?

А. Т. Первая «официальная книжка», «книжка с номером» – «Об Пушкина» – вышла в серии «Том писателей», выпущенной по инициативе нашего СРП. Бесконечно благодарен Нате Сучковой и всем-всем, кто принял участие в этом очень важном событии моей жизни.

Забавно, что название вызвало у некоторых людей странную реакцию. То ли панибратство по отношению к Александру Сергеевичу с моей стороны усмотреть изволили, то ли еще что... Между тем, тут просто прямая отсылка к рассказу Хармса, который, как всем известно, считал Пушкина и Гоголя двумя главными писателями русской литературы.

Л. Е. Восхитительная книга. И сами понимаете, не все знают Хармса. Ваш поэтический космос на редкость плотен.

А. Т. В конце 2018 вышла вторая книжка стихов – «Обходчик».

К этому названию никто не придирался, поскольку и книгу мало кто видел. 100 экземпляров – это даже не капля в море. Родилось название благодаря такой вот «зарисовке с натуры»:

*стучит обходчик по колесам:
до ре, до ре, дин-дон, бабах –
в нем спрятан был с рожденья моцарт,
а, может, бах.*

*он был бы музыкант заправский,
но он обходчик день-деньской
жд/д дороги ярославской
иль костромской.*

В самом деле, что мы можем знать о предназначении человека, о том, как и почему так, а не эдак складываются наши судьбы?

С удовольствием закончил бы и 19-й год новой книгой, но моего желания для этого маловато.

Л. Е. Можно спросить про Анну Герасимову?

А. Т. Что сказать про Аню Герасимову (она же Умка) – автора предисловия к книжке «Об Пушкина»... Она замечательный человек, один из самых известных специалистов по обэриутам, составитель многих чудесных книг, переводчик, поэт и мой очень близкий друг. Я услышал ее песни в записях в девяностые, как-то моментально выделил из всего, что мы тогда слушали (как нельзя было не выделить Летова, «Чёрного Лукича» (Вадима Кузьмина), Сергея Селюнина, «Аукцыон»).

Удивительно, что спустя несколько лет я подружился с Лукичом (мы даже поиграть вместе успели – несколько раз до его смерти) и с Аней (с ней и сейчас иногда играем вместе – в разных замечательных городах). Но тут еще и «особое везение» имело место. До знакомства с ними я, как уже говорилось, пил довольно сильно, сидел сиднем в Вологде, был трудновыносимым в общении, да и сочинительство забросил. А в 2005 как-то резко изменилось всё: стал постепенно оживать, ну мне и посчастливилось встретить близких по духу людей.

Аня тормозит меня постоянно. С ее подачи я переводить (с подстрочника, правда) начал: Боба Дилана, Лу Рида и прочую классику. Необыкновенно увлекательное занятие, надо сказать. Из Боба Дилана:

*Эй, мистер Тамбурин, сыграй-ка песню мне –
я всё равно не сплю и с перепоею.*

*Эй, мистер Тамбурин, сыграй-ка песню мне –
и утром я отправлюсь за тобой.*

*вечерняя вселенная вновь обратилась в прах
и на моих глазах...
рассыпалась, сквозь пальцы убегая,
но с гирями пудовыми огромными в ногах
на улице пустой стою без сна я.*

*возьми меня на свой корабль,
вихрящийся во мгле.
хватая пустоту, кидаясь в бездну.
я жду приказ отправиться мотаться по земле.
я растворюсь потом в пути, исчезну.*

*безумные камлания – те, что ты слышать мог,
нацелены на то, чтоб согнуть скоро.
мы вертимся – самим себе – назло и поперёк.
нам, кроме неба, нет других заборов.
не обращай внимания на тень, что за спиной,
на слабый голос мой,
на рифмы эти, пляшущие строки.
я клоуном оборванным поплёлся за тобой –
за тамбурина голосом далёким.*

*в отчаянном раскаянье я брежу наяву.
рассеялся колечком дыма разум.
за тамбурина звуками в волшебный лес плыву,
где небеса сияют, как алмазы.*

*прими меня безумного, введи в тот мир, в тот сон,
где прошлое мое похитит ветер,
и я спляшу под волнами распавшихся времен
под тамбурина, забыв про всё на свете.*

Л. Е. Не знаю оригинала – по-русски звучит отлично. Может быть, еще о круге чтения?

А. Т. В целом в прозе я разбираюсь слабо, увы, и читаю уже редко. За полгода перечитывал только Чехова (удивительно, что Антон Павлович у нас многими за юмориста почитается) и Лермонтова (Печорин, конечно, – тот еще тип). Хотя есть много современных чрезвычайно обаятельных авторов – пишущих прямо «здесь и сейчас». Например, Харченко («Чай со слониками»). «Тыгдым-Чагын» Сергея Кудряшова и Нури Бурнаша (они из Казани) – чистый восторг.

Самое интересное для меня сейчас чтение (помимо стихов) – смесь худлита с историей: книги Леонида Юзефовича «Самодержец пустыни» (о бароне Унгерне) и «Зимняя дорога», книжка Льва Данилкина о Ленине («Пантократор солнечных пылинок»). Очень рекомендую.

Конечно, из всех искусств важнейшим для нас является поэзия. Что до поэтов, то хороших поэтов сейчас как собак нерезаных. Если есть за что благодарить интернет и социальные сети, то именно за возможность постоянно отыскивать очень сильных авторов. Пользуясь случаем, назову ряд имен: Александр Кабанов (Киев), Катя Капович (Бостон), Глеб Михалёв, Алексей Остудин (оба Казань), Алексей Александров (Саратов), Андрей Пермяков (Владимирская область)... Список, как тот самый «список кораблей», можно долго продолжать, утонув в нем, не дойдя до середины...

Мы многое не успеваем открыть для себя. О потрясающем поэте Денисе Новикове (моем ровеснике) я узнал только несколько лет назад. О Валерии Прокошине (он меня лет на 9 всего старше) и вовсе сравнительно недавно. А ведь их уже и в живых нет.

Только что участвовал в фестивале памяти Прокошина – познакомился с кучей новых провинциальных (по месту проживания) поэтов – сильных, разных, живых. Не поленитесь, разыщите их имена, в наше время это несложно.

Л. Е. Да, спасибо. А среди вологжан?

А. Т. Из поэтов-вологжан мне интереснее всех Маша Маркова (не понимаю, как она пишет, и восхищаюсь), Ната Сучкова и Антон Чёрный (понимаю, как они пишут, и восхищаюсь). Чёрный, правда, давно не вологжанин по месту жительства, но это неважно.

Л. Е. Мне тоже так представляется. Наш. Свой.

А. Т. А вот есть еще Мария Гладцинова. Она, правда, свой брат-социофоб, судя по всему, и редко показывается на людях. Я, кстати, тоже не слишком люблю на людях показываться, но приходится.

Идеально – это когда есть своя нора, где тебя никто не достает, и возможность ездить в другие города, чтобы гулять там, где тебя никто не знает. Одному или с кем-то из близких друзей, с которыми и говорить необязательно.

Л. Е. О мире напоследок? Мне понравились фото из Рима, Венеции...

А. Т. Первый раз в жизни я оказался за границей с отцом и младшей сестрой в январе 1997. Папа поставил «Сыноубийцу» в ярославском драматическом, и театр с этим спектаклем пригласили в Прагу. Отец нас с собой прихватил – за свой, разумеется, счет. Мы пробыли в Праге дней 10, и это было потрясение.

Никогда не забуду, как приехали мы ночью и шли пешком с вокзала в центр. И вышли на Старо Место. Снежок падает. Тихо. Соборы освещены прожекторами. Красота такая, что горло перехватило и из глаз слезы сами полились. Я там и не спал почти – гулял с самого утра до ночи. Пива чешского выпил немерено – к нашему году почти прикоснуться не мог.

Мне потом много раз Прага снилась – очень реальные были сны.

Второй раз я приехал туда лет через 16 – с Умкой и ее мужем и гитаристом Борей Канунниковым. Оказалось, отлично ориентируюсь в городе: помню, куда идти, где путь срезать. И еще потом два раза там бывал – в последний раз в 2018-м, посетив концерт «Роллингов». Очень нежные питаю чувства к этому городу.

Мне посчастливилось увидеть Рим, Флоренцию, Венецию, Париж, Барселону, Будапешт, Тбилиси – такие все разные, не похожие друг на друга города! Иерусалим – совсем особое место. Там реально крышу сносит.

И вот я думаю – какой свиньей неблагодарной надо быть мне после этого, чтобы как-то еще и на судьбу пенять!? В 37 до ручки дошел – ловил белочку и с чертом в психбольнице разговоры разговаривал. До сорока я и думать не смел о таких путешествиях.

Л. Е. Вы уже 14 лет не пьете?

А. Т. Да. По России путешествовать тоже хорошо. Особенно почему-то полюбился мне Ярославль, который я, живя в нем, недолюбливал. Ну, спишем это на школу, посещение которой вызывало во мне искреннее отвращение.

Недавно был в Боровске. Слушайте, это же чудо какое-то! Город находится недалеко от Москвы (Калужская область), а там практически нет современных зданий. При этом он красивый, уютный. И сколько еще подобных ему маленьких и немаленьких замечательных городов! Все разговоры про то, что провинция умирает, считаю ерундой. Где-то что-то умирает, а что-то, наоборот, живет себе, очень даже.

Едем с Аней как-то раз в метро и вдруг на какой-то остановке слышим из репродукторов: «Уважаемые пассажиры! Будьте!» Что это – технический сбой в объявлении или некое метафизическое послание? Загадки, сплошные загадки.

На самом деле уже давно есть у меня, как у каждого немолодого человека, свое кладбище.

*«Саратов 90-х» –
«Саратов нулевых»...
лишь ветер над погостом
напомнил мне о них.*

*кусочек тлена, праха,
болота вязкий ил –
ушли Андрей, Наташа,
и Дима, и Кирилл,
и многие, и прочие...*

*и списки те длинны –
воздушные рабочие
войны.*

Уже и вологодские постепенно прибавляются – и не только. Нет уже Михаила Копьёва, нет Чернова, Наташи Лаврентьевой. Много-много кого еще помянуть здесь надо бы.

*Скажи мне, весёлый кузничик,
да только всю правду ответь:
ужель ты настолько беспечен,
что даже не помнишь про Смерть?*

*– Меня не касается этот
ваш страх, что калечит умы.
мое бесконечное лето
длинней вашей вечной зимы.*

Между тем мне вот-вот будет «за пятьдесят».

Л. Е. Вы произносите так, словно «за девяносто». Вы многого достигли в творчестве. Вас любят.

А. Т. Я сочиняю песенки и исполняю их под гитару, но музыкантом себя не считаю. Ну какой же я «музыкант»? Чтобы им быть, «двадцать пять лет учиться нужно», как говорил Иван Иванович Бывалов. Шутка, конечно, но в каждой шутке...

Поэт ли я? Мне больше нравится слово «сочинитель». Не так пафосно звучит.

Л. Е. Правильно будет Ваш рассказ назвать «О времени и о себе»?

А. Т. Думаю, я пишу больше всего о времени, пытаясь как-то зафиксировать то, что прожито, оживить то, что умерло. Не потому, что это кому-то нужно, кроме меня, а просто мне это нужно и интересно. Мой способ существования, моя личная борьба со смертью.

Такое сражение, победить в котором нельзя, но сдаваться просто так – стыдно.

*Время – престранная штука:
снаружи не то, что внутри –
бессильна пред оным наука,
хронометры, календари.
Я молод был – я еще молод?
Ну это откуда смотреть:
дробит меня Хроноса молот,
грозась размельчить, растереть
в песчинки, пылинки, частицы
и разум, и память, и плоть,
но души – свободные птицы, –
ему их не перебороть.
Они улетают, кружатся
среди неизвестных планет,
где с временем можно расстаться:
у вечности времени нет.*

A.S. Tayushev, L.V. Yegorova

ANDREY TAYUSHEV ON TIME AND HIMSELF

Andrey Tayushev, a poet and playwright, shares his memories and poems, as well as opinions on contemporary poetry and prose.

Andrey Tayushev, Vologda, poetry, autobiography.